

**“ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СВОБОДА”
ИЛИ “ЗАВИСИМАЯ ЭКОНОМИКА” —
ДИЛЕММА РЕГИОНА ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ**

Рассмотрены причины существенного отставания стран постсоветского региона от наиболее развитых государств мира. Подчеркнуто, что основной причиной ухудшения их позиций на мировой арене является неблагоприятный климат для хозяйственной деятельности, связанный с отсутствием рациональной свободы для ее субъектов. Проанализированы предпосылки для становления более благоприятных условий подъема эффективности национальных экономик этого региона.

Ключевые слова: экономическая свобода, экономическая зависимость, рейтинг свободы, рейтинг экономической свободы, экстенсивный и интенсивный механизмы экономики, экономические и общественные предпосылки для оптимизации экономик этих стран.

**“ECONOMIC FREEDOM”
OR “DEPENDENT ECONOMY” —
A DILEMMA OF THE REGION OF POST-SOVIET STATES**

The reasons for the essential delay of countries of the post-Soviet region from the most developed countries of the world are considered. It is emphasized that the main cause of a deterioration of their positions on the world arena is the unfavorable climate for the economic activity, which is related to the absence of a rational freedom for its subjects. The preconditions for the establishment of more favorable conditions of enhancement of the efficiency of national economies of this region are analyzed.

Keywords: economic freedom, economic dependence, rating of freedom, rating of economic freedom, extensive and intensive mechanisms of the economy, economic and social preconditions for the optimization of the economies of these countries.

Международные организации достаточно четко определяют шкалу уровня экономической свободы отдельных стран, а следовательно — и степень их несвободы (уровень нарушения общемировых экономических, правовых, моральных условий ведения бизнеса). Определенным эталоном таких условий служит опыт наиболее развитых стран, которые своим механизмом хозяйствования обеспечивают высокую национальную конкурентоспособность. В мировом хозяйстве на этой основе складывается общезначимая совокупность подходов к оценке дилеммы “экономи-

ческая свобода – несвобода”, которая не может не быть субъективной, но в то же время в принципе определяет взаимные позиции отдельных стран по показателю свободы ведения бизнеса. Несмотря на субъективность подобных экспертных оценок, даже такой, только приблизительно точный, рейтинг каждой страны имеет большое значение для улучшения условий получения иностранных кредитов, для доверия иностранных партнеров к связям с ее бизнес-структурами, для надежности национальной финансовой системы, а также для прочих отношений с мировой экономикой.

Цель статьи – определение места постсоветских государств в мировом хозяйстве по критерию достигнутой экономической свободы и последствий ее дефицита для эффективности практикуемых моделей экономического развития на постсоветском пространстве, а также формирование общего видения способа разрешения этими странами дилеммы “экономическая свобода” – “зависимая экономика”.

Для более обоснованного сопоставления позиций постсоветских и других стран необходимо провести детальный анализ международных оценок их сводного уровня свободы в целом (по политическим и гражданским свободам выделены три группы стран – “свободные”, “частично свободные” и “несвободные”) и экономической свободы в частности. Передовые позиции в рейтинге экономической свободы занимают небольшие и средние по размеру национальные экономики (Финляндии, Канады, Новой Зеландии, Швеции, Норвегии и других стран, при особом положении “точечных комплексов” Гонконга и Сингапура), которые одновременно характеризуются и наиболее высокой степенью свободы в целом. По потенциальным условиям развития именно этим, средним и небольшим государствам приблизительно соответствуют большинство стран, все еще числящихся в составе СНГ. Естественно, что самые крупные народнохозяйственные комплексы – США, ФРГ, Соединенного Королевства и Франции – в силу необходимости повышенного регулирования процессов в обществе и в экономике по частному показателю экономической свободы не только уступают первенство перечисленным государствам, но и занимают высокие места в обоих рейтингах (по чисто потенциальным возможностям таких комплексов мы можем проводить сравнение с этой группой только в отношении России) (табл. 1).

Таблица 1

Рейтинги стран по уровню свободы в целом и уровню экономической свободы *

Страны	Места в рейтинге по уровню экономической свободы (из 178 стран)	Агрегированный показатель (в баллах) (теоретически максимально возможный уровень свободы в целом = 100)	Места в рейтинге по уровню свободы в целом (из 195 стран)	Агрегированный показатель (в баллах) (максимальный уровень свободы в целом = 100)	Оценки уровня свободы в целом в стране
Гонконг **	1-е	88,6	–	–	–
Финляндия **	–	–	1-е	100	свободная
Армения	54-е	67,0	131-е	46	частично свободная
Казахстан	58-е	63,6	165-е	24	несвободная
Азербайджан	91-е	60,2	178-е	16	несвободная
Кыргызстан	96-е	59,6	142-е	38	частично свободная

Окончание таблицы

Молдова	117-е	57,4	106-е	60	частично свободная
Таджикистан	149-е	51,3	181-е	16	несвободная
Россия	153-е	50,6	167-е	22	несвободная
Беларусь	157-е	48,8	175-е	17	несвободная
Украина	162-е	46,8	105-е	61	несвободная
Узбекистан	166-е	46,0	193-е	8	несвободная
Туркменистан	174-е	41,9	190-е	4	несвободная
Эстония ***	9-е	77,2	30-е	94	свободная
Литва ***	13-е	75,2	41-е	91	свободная
Грузия ***	23-е	72,6	99-е	64	частично свободная
Латвия ***	36-е	70,4	55-е	86	свободная

* Рассчитано по: The Heritage Foundation: Рейтинг экономической свободы стран мира 2016 года / Центр гуманитарных технологий : Информационно-аналитический портал. – С. 1–8 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://gtmarket.ru/news/2016/02/01/7293>; Freedom House: Доклад о состоянии свободы в мире 2016 года / Центр гуманитарных технологий : Информационно-аналитический портал. – С. 1–8 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://gtmarket.ru/news/2016/01/28/7290/>.

** Наиболее высокие мировые показатели.

*** Постсоветские страны, которые не входят в состав СНГ.

В качестве первичной оценки можно назвать выход Прибалтийских государств и Грузии в группу наиболее свободных стран (в том числе по уровню экономической свободы), и наоборот – занятие всеми остальными постсоветскими странами (кроме Армении) крайне низких позиций в мировом рейтинге экономической свободы. Обратившись к совокупности всех показателей, приведенных в международных оценках, следует подчеркнуть, что в мире в целом большинство стран из верхних половин обоих рейтингов занимают близкие позиции по показателям свободы в целом и экономической свободы, различия между которыми не выходят за пределы 10 пунктов. Так, ФРГ занимает 26-е место в мировом рейтинге свободы в целом и 16-е – в рейтинге экономической свободы, Нидерланды – соответственно, 7-е и 17-е, Дания – 10-е и 11-е и т. д. Это не относится к основной массе постсоветских стран, и даже к более свободным Прибалтийским государствам (в Грузии показатели экономической свободы выше показателей свободы в целом на 76 пунктов, в Литве – на 28, в Эстонии – на 21 и в Латвии – на 19 пунктов, что свидетельствует о необходимости дальнейших демократических преобразований в их обществах). Среди других постсоветских стран по соотношению их участия в обоих рейтингах можно выделить три группы. К первой из них относятся Казахстан (место в рейтинге экономической свободы на 107 пунктов выше показателя свободы в целом), Азербайджан (различие составляет 87 пунктов), Армения (77 пунктов). В первых двух странах существует “допущенный” уровень экономической свободы, который находится под присмотром административных органов. Армения, экономика которой имеет высокую степень зависимости от либерализационных рекомендаций МВФ и других международных организаций, вместе с тем в жестких параметрах политической жизни вынуждена учитывать объективные ограничения в связи с опасностью “карабахской” конфронтации с Азербайджаном. Во второй группе стран, занимающих низкие позиции в рейтингах свободы в целом и экономической свободы, указанные различия колеблются от 46 пунктов у Кыргызстана до

16 пунктов у Туркменистана (14 пунктов у России), что реально отражает имитационный или замедленный характер реформирования их общественных и экономических отношений. Только в двух странах (третья группа) уровень свободы в целом выше показателей экономической свободы: в двух рейтингах практически одинаковые места у Молдовы и огромный перепад не в пользу экономической свободы у Украины (у которой среди 11 стран СНГ лучший показатель по свободе в целом и 9-й — по экономической свободе). Такое "разрывное" соотношение не способствует положительному воздействию "свободы" на "экономическую свободу" и их совместному влиянию на оптимизацию процессов в национальном хозяйстве.

В большинстве своем составители мировых рейтингов относятся к постсоветским странам неблагоприятно или в лучшем случае сдержанно. В число 85 экономически "преимущественно свободных" государств они включили всего 2 Прибалтийские страны ЕС и Грузию, в число 57 "умеренно свободных" — соответственно, 5 постсоветских стран (а также Латвию), а в число "преимущественно несвободных" — 3 постсоветские страны. Еще 3 постсоветских государства находятся в конце рейтинга экономической свободы, что свидетельствует об общей негативной оценке демократических преобразований у всех государств — наследников Советского Союза.

Конечно, в основу обоих рейтингов заложены методики с сильным влиянием субъективных оценок, что нередко вызывает критику со стороны руководителей государств, "обиженных" на занижение международными экспертами оценок двух указанных видов относительно уровня их национальной свободы. К сожалению, других, более совершенных, методик до сих пор не существует, а согласие таких руководителей с оценками позиций всех других (кроме своей) стран является косвенным подтверждением близости места, отведенного им в таких рейтингах, к фактическому ранжированию государств по уровню свободы в целом и уровню экономической свободы.

Следует подчеркнуть, что от рейтинговых показателей свободы в целом и экономической свободы (то есть от уровня экономической независимости) субъектов хозяйственной деятельности зависит не просто имидж страны, а доверие или недоверие к ней иностранных партнеров, и следовательно — лучшие или худшие условия при проведении торговых операций, при предоставлении кредитов и осуществлении других экономических связей. Как подчеркивается в материалах американского исследовательского центра "Фонд наследия" (Heritage Foundation) и газеты "The Wall Street Journal", в 2015 г. произошло, хоть и небольшое (всего на 0,1 пункта), но все же повышение среднемирового уровня экономической свободы, достигшего 60,4 балла, что является самым высоким показателем за весь период наблюдений с 1995 г. "В мировом масштабе увеличение экономической свободы было обусловлено, главным образом, улучшением свободы торговли, денежно-кредитной свободы и свободы от коррупции" *.

При оценке уровня экономической свободы международными экспертами учитывались 10 категорий экономической свободы для каждого государства, которые приведены в таблице 2.

К сожалению, по всем этим направлениям страны СНГ находятся не на передовых позициях, к тому же они не смогли их улучшить за последние годы. В этом

* The Heritage Foundation: Рейтинг экономической свободы стран мира 2016 года / Центр гуманитарных технологий : Информационно-аналитический портал. — С. 1–8 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://gtmarket.ru/news/2016/02/01/7293>.

отношении значительно большего прогресса достигли Эстония, Литва и Грузия, которые занимают с 8-го по 22-е места в рейтинге экономической свободы в мире (Эстония, например, в указанных категориях 1, 9 и 10 находится на уровне Гонконга и Сингапура, которые занимают 1-е и 2-е места в мировом рейтинге экономической свободы).

Таблица 2

**Категории экономической свободы
(по методологии центра “Фонд наследия” (Heritage Foundation)
и газеты “The Wall Street Journal”) ***

Основные категории оценок	Страны СНГ с наименьшей свободой в данной категории
1. Право собственности.....	Туркменистан, Узбекистан и др.**
2. Свобода от коррупции.....	Туркменистан, Узбекистан и др.**
3. Фискальная свобода.....	Высокая у всех стран СНГ
4. Участие правительства.....	Высокое или среднее у всех стран СНГ
5. Свобода предпринимательства...	Туркменистан, Украина ***
6. Свобода труда.....	Туркменистан ***
7. Монетарная свобода.....	Беларусь ***
8. Свобода торговли.....	Средняя у всех стран СНГ
9. Свобода инвестиций.....	Украина, Беларусь ****
10. Финансовая свобода.....	Беларусь, Узбекистан, Туркменистан

* Рассчитано по: Freedom House: Доклад о состоянии свободы в мире 2016 года / Центр гуманитарных технологий : Информационно-аналитический портал. – С. 2–8 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://gtmarket.ru/news/2016/01/28/7290/>.

** Невысокая у других стран СНГ.

*** Невысокая или средняя у других стран СНГ.

**** Официальные показатели по Узбекистану и Туркменистану отсутствуют и не включены в общий рейтинг свободы инвестиций.

В принципе можно утверждать, что наибольшая степень свободы в целом и экономической свободы служит основой для более высокого уровня экономического развития страны. По данным МВФ на 2015 г., 12 стран с наибольшим уровнем показателя ВВП на душу населения входили в число 20 государств с самым высоким уровнем экономической свободы. Постсоветские страны, кроме Прибалтийских государств и Казахстана, по показателю ВВП на душу населения занимают весьма скромные позиции в общемировых рейтингах экономического развития (табл. 3).

Таблица 3

Уровень показателя ВВП на душу населения по оценке МВФ в 2015 г. *

(дол.)

Контрольные показатели и места в рейтинге среди 186 стран мира		Показатели и места в мировом рейтинге 11 стран СНГ	
1–4-е. Страны с особо благоприятными условиями **	103187–76266	60-е. Казахстан	11028 ****
5–15-е. Страны высокого уровня развития ***	55904–43935	72-е. Россия	8447 *****
Среднемировой показатель	10023	76-е. Туркменистан	7534
40-е. Эстония *****	17425	78-е. Азербайджан	6794
50-е. Литва *****	14318	80-е. Беларусь	6583
51-е. Латвия *****	13729	116-е. Армения	3547
115-е. Грузия *****	3720	132-е. Узбекистан	2130
41-е. Чешская Республика *****	17330	133-е. Украина	2109

Окончание таблицы

54-е. Польша *****	12662	139-е. Молдова	1740
74-е. Китай *****	8280	152-е. Кыргызстан	1198
186-е. Бурунди	315	159-е. Таджикистан	949

* Рассчитано по: Wikipedia. List of countries by GDP (nominal) per capita. — IMF, 2015. — С. 3–7 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : [https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_countries_by_GDP_\(nominal\)_per_capita](https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_countries_by_GDP_(nominal)_per_capita). 18.02.2016.

** Люксембург, Швейцария, Катар и Норвегия.

*** США, Сингапур, Австралия, Дания, Исландия, Сан-Марино, Швеция, Ирландия, Нидерланды, Великобритания, Канада.

**** В регионе СНГ Казахстан — единственная страна, достигшая средних мировых показателей.

***** Россия находится на уровне Китая (ее показатель составляет 84,3% от среднемирового), Украина — ниже Узбекистана и Вьетнама (с показателем на уровне 21,1% от среднемирового). Все остальные страны СНГ имеют от 75,1% до 12% от среднего показателя, при минимальном уровне 9,5% у Таджикистана.

***** Постсоциалистические страны — не члены СНГ. Другие государства в этой таблице приведены для демонстрации экономического уровня региона СНГ относительно других стран мира.

В качестве вывода необходимо подчеркнуть, что все центральноевропейские постсоциалистические страны, ставшие членами ЕС (Эстония, Польша, Венгрия и т. д.), в результате проведенных за последнюю четверть века реформ превзошли среднемировой уровень, а имитация рыночных реформ в регионе СНГ не позволила им добиться таких результатов. В этом регионе сохранился экстенсивный тип экономического развития, основанный не на использовании инноваций, а на добыче и экспорте невосполнимых сырьевых запасов, нерациональном использовании ресурсов аграрных и транспортных секторов экономики. Более высокие показатели ВВП на душу населения наблюдаются исключительно у стран с богатыми природными ресурсами (кроме России, это Азербайджан, Туркменистан и Казахстан). И только “несырьевая” Беларусь, при особо льготных условиях отношений с Россией (пониженных ценах на энергоносители, благоприятных условиях доступа товаров на емкий российский рынок и т. д.), смогла войти в первую сотню государств по показателю ВВП на душу населения. Конечно, все эти страны значительно превосходят беднейшие государства мира (Бурунди, ЦАР, Малави), но при производственном, кадровом и технологическом потенциалах, имевшихся у них на начало преобразований, страны СНГ не должны были занимать такие низкие позиции в мировом рейтинге по данному показателю, обобщенно характеризующему уровень экономического развития. За период после кризиса 2008–2009 гг. все страны СНГ повысили свои показатели (наибольший прирост наблюдался у Туркменистана, наименьший — у России и Украины), но это не обеспечило им значительного продвижения по мировой шкале показателя ВВП на душу населения.

Об утраченных возможностях свидетельствует также характерная для большинства стран СНГ разница между более высокими показателями Индекса человеческого развития и более низкими — уровня экономического развития (табл. 4).

У 5 стран СНГ разрыв в указанных показателях составляет около 30 пунктов, что свидетельствует о низкой адаптивности знаний и рабочих навыков к практике развития реального сектора экономики. Наибольшим такой разрыв является у Украины: она входит в группу стран с высоким уровнем Индекса человеческого развития (в целом это неплохая позиция в середине рейтинга). Но неудовлетворительная экономическая политика привела ее в группу 5 стран СНГ с наименьшими достижениями в экономическом развитии (133-я позиция мирового рей-

тинга по показателю ВВП на душу населения по сравнению с позициями от 132-й до 159-й у самых проблемных постсоветских государств).

Таблица 4

**Позиции стран СНГ по показателю ВВП на душу населения
и Индексу человеческого развития ***

Страны	Место страны в мировом рейтинге по показателю ВВП на душу населения	Место страны в мировом рейтинге по Индексу человеческого развития ПРООН	Различие рейтинговых позиций страны в пользу Индекса человеческого развития (%)
Казахстан.....	60-е	56-е	4
Россия.....	72-е	50-е	22
Туркменистан...	76-е	109-е	-33 **
Азербайджан....	78-е	78-е	0
Беларусь.....	80-е	50-е	30
Армения.....	116-е	85-е	31
Узбекистан.....	132-е	114-е	18
Украина.....	133-е	81-е	52
Молдова.....	139-е	107-е	32
Кыргызстан.....	152-е	120-е	32
Таджикистан....	159-е	129-е	30

* Рассчитано по: Wikipedia. List of countries by GDP (nominal) per capita. – IMF, 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_countries_by_GDP_\(nominal\)_per_capita](https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_countries_by_GDP_(nominal)_per_capita). 18.02.2016; Программа развития ООН: Индекс человеческого развития в странах мира в 2015 году / Центр гуманитарных технологий : Информационно-аналитический портал. – С. 1–9 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://gtmarket.ru/news/2015/12/16/7285>.

** Туркменистан – единственная из стран СНГ, у которой показатель ВВП на душу населения превышает низкий уровень Индекса человеческого развития, что связано с особо благоприятными условиями добычи и экспорта газа, нивелирующими недостатки в развитии человеческого потенциала.

Более высокое место по показателю ВВП на душу населения по сравнению с Индексом человеческого развития характерно и для большинства менее развитых стран мира, специализирующихся на добыче и экспорте энергетических и сырьевых ресурсов. Например, у Нигерии показатель места ее ВВП в мировом рейтинге превышает показатель Индекса человеческого развития на 27 пунктов, у Анголы – соответственно, на 43, у Мозамбика – на 9 пунктов и т. д. Общие признаки таких стран – пассивность населения в поисках путей резкого повышения отдачи от имеющегося экономического потенциала, ограничение коллективного интеллекта только саморазвитием человека (грамотностью, духовностью) без акцентирования на поисках более эффективного его применения для модернизации экономики.

К настоящему времени учеными и практиками рассматриваемого региона, международными исследователями достаточно полно обрисованы те элементы постсоветского хозяйственного механизма, которые не только затормозили динамичную модернизацию национальных экономик, но и продолжают сдвигать ее к нижней части международных рейтингов. Обоснованные предложения по преодолению подобных тенденций разработаны В. Гейцем, А. Гриценко, Я. Жалило, Е. Салиховой (Украина), Е. Ясиным, В. Мау, Г. Цаголовым, Т. Заславской, В. Иноземцевым, А. Аузаном, Г. Сатаровым (Россия), В. Папавой (Грузия), Т. Беридзе (Азербайджан) и другими. Эти рекомендации, главным образом, достаточно обоснованны, а их использование могло бы существенно поднять национальные экономики большинства стран региона. Однако на практике они или не используются

вообще, или из них извлекается некоторая часть рекомендаций, которая оторвана от целостной программы положительных реформ и тем самым не может повлиять на положительные изменения в застойном механизме хозяйствования.

Как следствие, постсоветские государства в целом стагнировали на своих позициях в мировых рейтингах. Практически за последние (2011–2015) годы они оставались на прежних – от 60-х (Казахстан) до 150-х (Кыргызстан) позициях среди стран мира по показателю ВВП на душу населения, причем только Туркменистан резко поднялся по этой шкале (с 95-го до 76-го места). Но в то же время две страны, ранее имевшие высокий потенциал, резко ухудшили свои позиции в данном рейтинге: Украина скатилась со 107-го места на 133-е, а Россия – с 52-й позиции на 72-ю. Сегодня 11028 дол. на душу населения наиболее успешного в этом регионе Казахстана означают уже не 75,5%, а 72,8% от среднего показателя трех Прибалтийских постсоветских государств и оставляют эту страну на уровне среднемировых показателей (120144 дол. в 2011 г. и 10023 дол. в 2015 г.). Самые крупные государства региона – Россия и Украина – значительно ухудшили свои показатели ВВП на душу населения: российские 128,1% от среднемирового показателя в 2011 г. упали до 84,5% в 2015 г., а украинские 36,7% – уменьшились до 21%. Можно констатировать, что даже более успешные из стран СНГ никак не могут выйти из “серой зоны” малозначимых участников мирового хозяйства, занять достойные позиции в качестве если не глобальных, то региональных лидеров в экономике, а следовательно – в политике, идеологии и культуре. Сохранить и даже укрепить свои позиции в мировом хозяйстве смог только Казахстан (о чем свидетельствует в том числе и его прогресс в мировых экономических рейтингах). Между тем исторически вроде бы “обреченная на лидерство” Россия теряет свои позиции, пытаясь отстоять их лишь с помощью военной силы, что является крайне опасным вариантом мирового сосуществования.

Во многих странах СНГ предпринимались попытки изменить существующую ситуацию, перейти от экстенсивной (затратно-сырьевой) к интенсивной (инновационной) модели функционирования национальных экономик, однако они так и не стали реальностью. Национальные экономики этих государств не восприняли инновационных моделей, отвергнув даже те формы и направления инноваций, которые уже оправдали себя в других странах. При этом справедливы ссылки на такие противодействующие факторы, как отсутствие реальной правовой защиты бизнеса, имитационный характер проведенных рыночных реформ, негативная роль олигархов с их влиянием на государственные структуры, нерациональный уровень открытости экономических комплексов и т. д. В таких странах за прогресс в инновациях выдаются отдельные, несистемные и точечные примеры использования прогрессивных технологий и менеджмента, тогда как эти важные достижения не получили там всеобщего распространения и не стали объектом самовоспроизводства.

Отторжение экономического прогресса имманентно самой природе современной экономики рассматриваемых стран, которая представляет собой конгломерат элементов руководимого государством или олигархами хозяйственного механизма, с его определенной “планификацией”, проявлениями стихийного рынка на макро- (страна в целом), мезо- (олигархический бизнес) и микро- (малый и средний бизнес) уровнях, а также высокой степенью прямой и опосредованной зависимости от возросшей стихии мирового рынка (одновременно и от таких его субъектов глобального регулирования, как МВФ, ВТО и другие международные организации), что, в свою очередь, обуславливает навязывание конкретной стране не

свойственных ей условий хозяйственной жизни, вызывающих разрушительные тенденции в ее экономическом комплексе.

Подобное отторжение является объективным следствием такого феномена постсоветских стран, как наличие всеобъемлющей зависимости бизнеса, и в том числе – господство административно зависимой собственности. Каждое из таких полярных понятий, как “экономическая свобода” и “экономическая зависимость”, представляет собой усредненное определение со многими переходными чертами. Так, абсолютность свободы хозяйствования ограничена четкими предписаниями даже у первой десятки государств в рейтинге “Экономическая свобода” (Сингапура, Новой Зеландии, Дании, Канады и др.). Эти ограничения не позволяют “свободе” перерасти в “экономическую анархию” (как это было в постсоветском регионе в первое пятилетие после всеобщего провозглашения государственной независимости). Современная мода на введение в экономику терминов из других сфер деятельности позволяет представить приблизительный аналог механизма соотношения “свобода – несвобода” в виде правил дорожного движения, которые создают наиболее благоприятный режим для автомобилистов, но при этом жестко пресекают отклонения со стороны нарушителей от общих правил.

Для дальнейшего рассмотрения данной темы необходимо хотя бы в общих чертах выяснить, что представляет собой само понятие “экономическая свобода”. Естественно, что обоснованные определения содержания экономических терминов должны были возникнуть в наиболее развитых и наиболее демократических государствах, которые своим авторитетом убеждают (или принуждают в случае активного несогласия) другие страны – равно, как и прочих экономических субъектов (ТНК, МВФ, ВТО и др.), – принять соответствующие “правила игры”. Но имманентное для демократии отсутствие намертво закрепленной жесткости в терминологии не позволяет дать однозначное определение любого экономического, политического или идеологического явления. Применительно к термину “экономическая свобода” существуют разные его определения: в связи с обоснованной в концепции “экономики благосостояния” многоплановой возможностью выбора субъектами бизнеса широчайшего спектра приложения своих сил и способностей к совершенно разным сферам и направлениям хозяйственной деятельности, а также в рамках либертарианских подходов – на основе подчеркивания доминанты свободного рынка. В силу этого ограничимся самым общим подходом к определению “экономической свободы” как усредненной совокупности наиболее благоприятных условий для ведения бизнеса на определенном этапе развития мировой экономики.

В этом контексте ярким примером служит история разработки и принятия “Акта экономической свободы Грузии”, в котором воплощен “Органический закон об экономической свободе”. Его первый вариант был подготовлен в ходе правовых и экономических реформ, которые в 2004–2012 гг. проводились под руководством К. Бендукидзе – успешного российского и грузинского бизнесмена, министра экономики, а затем министра по координации экономических реформ в Грузии. Либертарианский подход к реформам был закреплён в специальном правовом акте со статусом “органического закона”, который, наряду с Конституцией, относится к наиболее защищенным от дальнейших изменений документам и которому должны соответствовать принимаемые законы и другие нормативные документы. С учетом такого подхода К. Бендукидзе, Л. Гургенидзе и В. Лежава разработали детализированный и многоаспектный вариант акта, который тогдашний президент М. Саакашвили поддержал и направил в парламент в октябре 2009 г. Обсуждение этого документа в парламенте и

в обществе вместе с его доработками затянулось еще на 1,5 года, в результате чего 5 июля 2011 г. он был единогласно принят парламентом Грузии.

Принятый вариант акта существенно отличается от первоначального и состоит из 4 основных статей и заключительной, пятой статьи о его введении в действие (тогда как первая версия включала в себя 12 статей с почти сотней детальных расшифровок различных коллизий в использовании ее положений). Вторым вариантом зафиксировал ограниченное количество общегосударственных налогов (не более 30% ВВП) и предельную величину дефицита консолидированного бюджета (–3% ВВП); установил единство госбюджета, прекратив тем самым существование внебюджетных государственных фондов. Последняя, 4-я его статья уравнивает права резидентов и нерезидентов, устанавливает свободу движения капитала, денежных средств и обмена валюты. Из первого варианта были исключены такие важные положения, как, например, свобода трудовой деятельности, запрет на расширение сфер регулирования, право на свободную торговлю без тарифов и технических барьеров.

Принятый акт получил у экспертов противоположные оценки. Один из наиболее последовательных сторонников свободы экономической деятельности А. Илларионов назвал его "крупнейшим событием в истории Грузии и всего мира" [1]. Одновременно в адрес этого закона (особенно его первого варианта) прозвучало много достаточно обоснованных замечаний, часть которых не была учтена и в окончательном варианте. Бывший премьер З. Ногаидели оценил фиксирование многих положений акта в условиях его "органического статуса" как реальное ограничение экономической свободы. Эксперт Д. Наримания выразил сомнение в полной реализации акта, сославшись на многочисленные примеры срыва реализации ранее принятых правовых документов. Академик В. Папава особо подчеркнул опасность решения налоговых проблем на референдумах. Поддерживая эту точку зрения в целом, отметим со своей стороны, что такой популистский подход может привести только к дисбалансу в функционировании финансовой системы страны [2].

В качестве частного вывода по данной проблеме можно констатировать невозможность жестко регламентировать все нюансы "экономической свободы": при таком "расширительном" подходе пропадает сама принципиальная основа возможности использования свободы хозяйственной деятельности во всех тех ее условиях, которые неизбежно сменяют друг друга под влиянием изменений на глобальном и национальном уровнях.

По нашему мнению, одним из достоинств акта об экономической свободе является выделение того минимального круга ограничений экономической деятельности, который должен присутствовать даже у стран с наибольшей "экономической свободой". Среди первых 10 стран соответствующего мирового рейтинга для Новой Зеландии, Австралии, Швейцарии характерно существенное ограничение фискальной свободы, для Чили – соответственно, свободы предпринимательства, для Ирландии – финансовой свободы и т. д. К общезначимым ограничениям экономической свободы, характерным для стран, занимающих верхние места в указанном рейтинге, добавляется более широкий круг мер защитной делиберализации у экономически более слабых государств: открывая под давлением ВТО, МВФ и других международных организаций свою экономику, они в ходе конкурентной борьбы на мировом рынке вынуждены добавлять в свой хозяйственный механизм все больше экономических и административных ограничений. Обусловленное этим смещение таких стран вниз в мировом рейтинге экономической свободы связано как с объективным процессом усиления самозащиты более слабых экономик, так и

с ограничением этой свободы мерами субъективного характера в целях удовлетворения интересов представителей властной вертикали, олигархов, даже политической и религиозной элит.

Все эти негативные проявления не излечимы без кардинального изменения системы зависимостей, взаимозависимостей и процессов отторжения в национальных экономиках. Именно тяжелая экономическая зависимость выступает в качестве характерной черты постсоветских экономик, не позволяя их субъектам использовать возможности свободного осуществления своего бизнеса. Такая зависимость была заложена еще в начале 1990-х годов, в период имитации рыночных реформ во всех этих государствах. В отличие от постсоциалистических стран Европы и Прибалтики, процессы приватизации в регионе СНГ осуществлялись практически по феодальному принципу: пришедший к власти глава государства “наделял” своих близких родственников или сторонников объектами наиболее крупной собственности; местные администраторы таким же образом распределяли собственность своей “вотчины”, а мелкий и средний бизнес должен был коррупционно выкупать у них право на свою деятельность. Даже сегодня такой подход не изжит: феодальный принцип передачи власти наследнику был осуществлен Г. Алиевым в Азербайджане; по оценкам СМИ, в настоящее время его реализация подготавливается Э. Рахмоном в Таджикистане; ранее его пытались использовать в Казахстане и Узбекистане.

Общезначима мировая тенденция, связанная с тем, что по мере перехода к странам, занимающим в мировом рейтинге экономической свободы более низкие позиции, происходит относительное ослабление роли правовых и усиление влияния иных составляющих национальной хозяйственной политики. Все более существенные ограничения в упомянутых странах накладываются ментальными и религиозными традициями (например, в связи с выпуском халяльной или кошерной продукции). У замыкающих рейтинг Эритреи, Зимбабве, Конго крайне низка свобода от коррупции, которая у них традиционно входит в число имманентных элементов хозяйственной деятельности. У стран нижней части рейтинга не высок уровень свободы труда (фактически распространено внеэкономическое принуждение к работе), а также фискальной свободы. Во многих из этих государств практикуемые механизмы хозяйствования абсолютно не похожи на всесторонне отработанные хозяйственные механизмы передовых стран.

За последнюю четверть века все постсоветские государства (“частично свободные” и “несвободные”) создали такую правовую базу для руководства экономическими процессами, которая близка к существующим в мире передовым аналогам хозяйственного законодательства или внешне не отличается от них. В то же время такой юридический прогресс не привел к органичному росту экономической свободы в большинстве постсоветских стран, а в некоторых из них “свобода” проявилась как экономическая анархия. Вместо саморазвивающейся динамичной экономики в рассматриваемом регионе утвердилась “модель зависимой экономики”.

Такая своеобразная модель лишь имитирует основные характеристики рыночной экономики и только частично соответствует (прежде всего, на микроуровне) принципам организации рыночного хозяйства, однако не способна в полной мере использовать его положительные черты. Подобная мимикрия особенно опасна, поскольку проще (как это и было сделано в Центральной Европе в 1990-х годах) преобразовать одновременно и форму, и содержание хозяйственного механизма. Гораздо сложнее при сохранении формы сперва закрепить аналог прежней всеобщей зависимости в ее квазилиберализованной реальности, а затем через длитель-

ный период пытаться внедрить в уже закрепившийся в стране малоэффективный экономический механизм все основные элементы реальной рыночной экономики современного мирового образца. Только после такого внедрения можно надеяться на существенное улучшение показателей экономического развития постсоветских государств. К сожалению, подобная перестройка пока существует лишь гипотетически, примера ее успешной реализации на практике не было. На постсоветском пространстве указанная перестройка может сталкиваться с еще большими трудностями в связи с утвердившейся в этом регионе экономической моделью, которую, по нашему мнению, можно назвать “модель зависимой экономики”.

Такая модель охватывает все постсоветские страны, которые в начале 1990-х годов не были включены в зону рыночных реформ под эгидой ЕС, с перспективой в дальнейшем войти в состав европейского общего рынка (кроме стран Центральной Европы, сюда относились три постсоветских государства Прибалтики). Эта модель определяет “зависимый характер” бизнес-процессов в 3 “частично свободных” и 8 “несвободных” государствах региона, которые указаны в таблице 1. Оценивая секторальный уровень “экономической зависимости” в таблице 2, необходимо прийти к выводу о практически всеобщей зависимости бизнеса этих стран от государства, ограничении свободы предпринимательства, свободы трудовых отношений и т. д.

Если оценивать реальное проявление “экономической зависимости”, то можно прийти к выводу о двух ее видах — административной и олигархической. Политологи основную часть стран рассматриваемого региона относят к государствам с различной степенью авторитарности — от Казахстана и России (соответственно, 165-е и 167-е места в общем рейтинге гражданской свободы), с их официальным подчеркиванием имеющихся “демократических основ общества”, до Таджикистана и Туркменистана (181-е и 190-е места в этом рейтинге из 194 включенных в него государств), в которых демократия однозначно вытеснена лидерской (президентской) моделью государственного устройства. В этих 11 государствах превалирует “административная зависимость”, в том числе распространяемая и на местных олигархов — пример М. Ходорковского показал, что даже самые мощные из них не могут противостоять государственному аппарату.

Что касается авторитарных режимов, то можно достаточно четко выделить три уровня “административной зависимости”. Верхний из них относится к наиболее крупным объектам собственности общегосударственного значения — предприятия ВПК во всех странах, “Газпром” и “Роснефть” в России, “Беларуськалий” и Минский автозавод в Беларуси, Государственная нефтяная компания Азербайджана, АО “Казмунайгаз” в Казахстане и др. Такие объекты, при всех провозглашаемых различиях в их формальной “свободе”, находятся в системе жесткого руководства со стороны центральных органов власти этих стран, обеспечивая выполнение общегосударственных заданий в интересах сохранения позиций административной элиты — опосредованно (через обеспечение некоей стабильности в удовлетворении потребностей граждан) и прямо (через получение высоких доходов от этих наиболее прибыльных объектов).

Движение вниз по административной вертикали показывает наличие такой же зависимости на среднем уровне (области, края, города) и на уровне первичных административных единиц. Примером послужила ситуация в Башкортостане, где до недавнего времени глава республики М. Рахимов через сына обеспечил полное подчинение местного бизнеса своим интересам (его устранение с политической арены сразу же ликвидировало подобную ситуацию). Для чиновников еще более низкого уровня тоже остается достаточно широкое поле деятельности в навязывании зави-

симости для таких небольших объектов, как парикмахерские, пошивочные, ремонтные мастерские и т. д.

Несколько иначе проявляется зависимость в постсоветских государствах с высоким уровнем влияния олигархов, что характерно для более демократичных Украины и Молдовы (“частично свободные страны” в рейтинге “Freedom House”). У них экономическая зависимость лишь частично (по отдельным направлениям и видам бизнеса, а также в зависимости от его масштаба) связана с административной вертикалью, но не меньшее значение имеет концентрически-круговая зависимость от олигархической собственности, выстроенная по принципу клиентельских связей. На этот вид зависимости существенное влияние оказывают такие особенности, как характерное для олигархов стремление к многоаспектной дифференциации видов бизнеса (например, основной вид деятельности может быть в металлургии, а дополнительный – в СМИ, на транспорте и т. д.). Именно в неосновных видах деятельности стремится утвердиться клиента, создавая положительный имидж своему олигарху и отрицательный – его конкурентам или же обеспечивая льготные условия для перевозок “своей” продукции. Сама по себе дифференциация в рамках общей совокупности олигархической деятельности широко распространена в мире и оценивается положительно. Такая оценка не применима для постсоветских стран в связи с тем, что у них клиентельские отношения в подавляющем большинстве не охватывают реальный сектор экономики.

Кроме того, необходимо учесть, что при экономике “олигархического типа” существенно снижается административно контролируемая персональная ответственность за нарушение правовых рамок экономических процессов. Так, в наиболее “свободной” из стран СНГ Молдове в первой половине этого десятилетия из трех крупнейших банков бесследно исчез в офшорах 1 млрд. дол. (1/8 всего ВВП страны), который до сих пор не смогли обнаружить [3, с. 7].

В этой связи весьма интересной представляется коллизия во взаимоотношениях по линии “свобода – экономическая свобода – экономический подъем”. Действительно, наивысшие показатели экономического развития характерны для стран с высоким уровнем этих двух свобод: именно нескованность идеологическими или политическими догмами освобождает у них поиск неординарных экономических решений, а свобода судебной системы и другие достижения демократии охраняют интересы бизнеса.

В то же время нельзя однозначно рекомендовать “свободу” и “экономическую свободу” в качестве всеобщего действенного инструмента решительного повышения уровня национальных экономик стран второй половины рейтинга (в том числе постсоветских). К примеру, в Чили и во многих будущих “азиатских тиграх” толчок к выходу на передовые позиции был заложен в период антидемократических диктатур. Аугусто Пиночет в Чили, Ли Куан Ю в Сингапуре, Цзян Цзин Го на Тайване, Пак Чон Хи в Республике Корея и другие диктаторы жестокими административными мерами стимулировали экономический рост в своих государствах, осуществляли программы инноваций, боролись против массовой коррупции и воровства. Наживаться могли только малые группы приближенных к власти (так называемая “элитарная коррупция” по определению грузинского академика В. Папавы). Корейский президент Чон Ду Хван был даже осужден после ухода со своего поста не только за репрессии, но и за экономические преступления. Приоритет экономического развития перед демократией избрала Компартия Китая, которая, однако, последовательно проводит обоснованную почти полвека назад китайским лидером Дэн Сяопином линию на средне-

срочные периоды занятия высших должностей в государстве. С середины 1990-х годов пребывание на посту президента КНР ограничено десятью годами, что позволяет выдержать на этот период единую линию экономической политики и вместе с тем заставляет каждого руководящего лидера учитывать неизбежность пристрастного административного, партийного и общественного подведения итогов его пребывания во власти. Главное заключается именно в сочетании обоих подходов, что не может быть достигнуто в полном объеме в странах региона СНГ, прежде всего, в силу отсутствия у них безраздельно господствующей партии как дубликата общегосударственного стержня административного управления.

Может ли и в постсоветском регионе быть обеспечено жесткое сочетание оптимизации хозяйственной политики с отсутствием (или хотя бы резким уменьшением) стремления к безграничной наживе со стороны руководства всех уровней административной лестницы? Решение этой проблемы находится не столько в экономической, сколько в политической и идеологической плоскостях: путем установления массового контроля со стороны населения за поведением чиновников и олигархов, всестороннего усиления роли гражданского общества с его более эффективной ментальностью в части морали (решительный отказ от всеобщего притяния коррупции, от пассивности по отношению к нарушениям закона и др.), приоритетного обеспечения целостных интересов страны, а не отдельных партий, сторонников различной политической или иной ориентации, групп олигархов и т. д. На успешный переход к подобному сочетанию можно только надеяться. Такое кардинальное изменение в общественном сознании и всеобщем целеполагании деятельности может произойти эволюционно, в течение значительного времени, или же при появлении в стране харизматичного лидера (типа Махатмы Ганди в Индии или Мартина Лютера Кинга в США) с положительной программой общественного и экономического развития.

Указанная общественно-экономическая перестройка в направлении саморазвития постсоветских стран СНГ может обеспечить лишь общие и первичные предпосылки для их перехода от экстенсивной (использования имеющихся природных условий для производства и экспорта сырьевых и энергетических товаров) к интенсивной модели экономического развития на основе инноваций, высокой конкурентоспособности, экономии ресурсов. Необходима такая модель хозяйственного механизма, которая бы на длительный период обеспечивала внутренние импульсы к оптимизации экономических процессов. Долгосрочное сохранение таких импульсов может быть обеспечено только функционированием гибкой системы сдержек и противовесов в хозяйственной политике, которая бы автоматически реагировала на попытки отхода от прогрессивных методов хозяйствования.

Речь идет исключительно о "саморазвитии", о наличии и приоритетности внутренних стимулов к преобразованиям в евразийской группе постсоветских стран, реформы в которых не были объектом жесткого контроля со стороны западных демократий. В отличие от них, для постсоциалистических государств Центральной Европы и Прибалтики "Европейские договоры" ЕС с ними в конце прошлого — начале этого века предусматривали строгий ежегодный и подекадный контроль за построением гражданского общества и экономики на демократических и рыночных началах, с одновременной помощью этим странам со стороны западноевропейских партнеров (в виде кредитов, льгот в торговле, передачи технологий и т. д.).

Иначе говоря, рассматриваемая перестройка общественных и экономических основ стала результатом сочетания внешних и внутренних факторов, чего не было так жестко предусмотрено по отношению к странам СНГ. ЕС, США и основные международные организации шли даже на авансовые (преждевременные) льготы

для Польши, Венгрии и других государств, расположенных в “буферной зоне” на запад от бывшей советской границы, с целью предотвратить возможность восстановления в этом регионе приоритетного влияния России как наследницы СССР. С того времени соотношение сил на международной арене существенно изменилось, российское влияние уже не является таким угрожающим, а сами политические элиты постсоветских стран в большей или меньшей мере дистанцируются от Кремля. В этой связи доминантой будут внутренние стимулы к общественным и экономическим преобразованиям, а значит, можно рассчитывать скорее на общеполитическую и моральную поддержку Запада, а не на экономическую помощь в проведении реальных, не имитационных реформ.

Конечно, пока отмеченное еще относится в основном к сфере “благих пожеланий”, однако “ползучее” ухудшение экономических условий подспудно обостряет напряженность в каждой стране, что не может длиться бесконечно. Несомненно, в обществе должны вызреть идеологические и политические предпосылки для кардинального изменения природы экономической системы в рассматриваемом регионе, что явно займет длительный период. Однако без подготовки и проведения таких изменений постсоветский регион будет и дальше скатываться в рейтинге мировых уровней экономического развития, эффективности бизнеса и его конкурентоспособности — со всеми вытекающими из этого негативными последствиями.

Выводы

1. Опыт мирового развития доказано, что наибольшая степень свободы в целом и экономической свободы служит основой для более высокого уровня экономического развития страны. Это обусловлено повышением способности в свободных странах вести поиск неординарных экономических решений, ростом экономической эффективности использования ресурсов в результате обеспечения свободы труда, реальной защиты интересов бизнеса и защиты от коррупции, снижения фискального давления.

2. Постсоветские страны в своем большинстве (в отличие от постсоциалистических стран Европы и Прибалтики, ставших членами ЕС) характеризуются сегодня как страны с невысоким уровнем развития свободы в целом и экономической свободы, что свидетельствует об общей негативной оценке демократических и рыночных преобразований в них. Такая оценка снижает доверие к указанным странам со стороны потенциальных иностранных партнеров, заметно ухудшает условия проведения торговых и инвестиционных операций, предоставления кредитов и осуществления других экономических связей.

3. В условиях дефицита свободы национальной экономики большинства постсоветских государств, входящих в СНГ, не смогли встать на путь последовательно инновационного развития, оказавшись способными осуществлять лишь отдельные, несистемные меры по использованию прогрессивных технологий и менеджмента. Как следствие, большинство этих стран не смогли эффективно использовать производственный, кадровый и технологический потенциалы, имевшиеся на начало преобразований.

4. Природе экономики постсоветских стран имманентно отторжение экономического прогресса, что является объективным следствием наблюдаемого у них феномена всеобъемлющей зависимости бизнеса от государственной бюрократии (и в том числе — от господства административно зависимой собственности). Заложена еще в начале 1990-х годов, тяжелая экономическая зависимость субъектов хозяйственной деятельности стала следствием осуществления процессов приватизации в указанном регионе практически по феодальному принципу.

5. За последнюю четверть века в постсоветских государствах совершенствование правовых основ экономической деятельности не привело к органичному росту экономической свободы, а в некоторых из них "свобода" проявилась как экономическая анархия. Здесь утвердилась "модель зависимой экономики", которая лишь имитирует основные характеристики рыночной экономики и только частично соответствует (прежде всего, на микроуровне) принципам организации рыночного хозяйства. Подобная мимикрия опасна для перспектив развития реальной рыночной экономики современного мирового образца.

6. "Модель зависимой экономики" определяет зависимость бизнес-процессов от государства и построена на ограничении свободы предпринимательства, свободы трудовых отношений и других экономических свобод, существуя в двух разновидностях — административной и олигархической. Последняя из указанных форм характерна для Украины и Молдовы, где экономическая зависимость лишь частично (по отдельным направлениям и видам бизнеса) связана с административной вертикалью. Но не меньшее значение имеет концентрически-круговая зависимость от олигархической собственности, выстроенная по принципу клиентельских связей.

7. Пути преодоления "модели зависимой экономики" связаны со всесторонним усилением роли гражданского общества и развитием морально-этических норм (решительным отказом от всеобщего притяжения коррупции, от пассивности по отношению к нарушениям закона и др.), с обеспечением приоритета целостных интересов страны, а не групповых интересов отдельных партий или групп олигархов. При этом в обществе должны вызреть идеологические и политические предпосылки для кардинального изменения самой природы экономической системы.

Список использованной литературы

1. Илларионов А. Акт экономической свободы принят // Livejournal. — 2011. — 14 июля [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://ailarionov/318201.html/livejournal>.
2. Папава: акт экономической свободы Грузии — смесь популизма и традиционных ошибок // Кавказский узел. — 2016. — 8 апреля [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www/kavkaz-uzel.eu/articles/1603888/8.04.2016>.
3. Гилан А. Вся королевская рать: Какой след оставили премьер-министры в истории Молдовы / Независимый информационный портал, 2016. — 26 января [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.noi.md/ru/news_id/77488.

References

1. Illarionov A. *Akt ekonomicheskoi svobody prinyat* [The act on economic freedom is approved]. *Livejournal*, July 14, 2011, available at: <http://ailarionov/318201.html/livejournal> [in Russian].
2. *Papava: akt ekonomicheskoi svobody Gruzii — smes' populizma i traditsionnykh oshibok* [Papava: the act on Georgia's economic freedom is a mixture of populism and traditional errors]. *Kavkaz. Uzel — Caucasian Node*, April 8, 2016, available at: <http://www/kavkaz-uzel.eu/articles/1603888/8.04.2016> [in Russian].
3. Gilan A. *Vsya korolevskaya rat': Kakoi sled ostavili prem'er-ministry v istorii Moldovy* [The whole royal army: the trace left by the Prime ministers in Moldova's history]. *Nezavis. Inform. Portal — Indep. Inform. Portal*, January 26, 2016, available at: http://www.noi.md/ru/news_id/77488 [in Russian].

Статья поступила в редакцию 17 июня 2016 г.